

МИР

СЕГОДНЯ

НЬЮ-ИОРК ПРОВОЖАЕТ МХАТ

открытием для Нью-Йорка явился чрезвычайно высокий уровень индивидуального мастерства

СТАРИК, ночной лифтер, вдруг из своей будничной сумки вынимает театральную программу с белой чайкой на обложке и, потрясая ею, произносит между этажами короткий, но пылкий монолог. Старик оказался заезженным театралом, а монолог его был восхвалением МХАТ. Сорок лет назад, когда МХАТ первый раз приехал в Америку, этот американец увидел «Три сестры». И она стала его любимой пьесой на всю жизнь. И он смотрел ее «раз двадцать» в исполнении американских, английских, французских и других актеров, а накануне—в «Сити сэнтер» снова в исполнении МХАТ. Вывод его был прост и категоричен: «Та первая и эта последняя постановки лучше промежуточных двадцати».

Неожиданный ночной эпизод ничего, конечно, не добавляет к тому «мхатоведению», которое создано здесь за последние четыре недели десятками театральных рецензий, к вывескам «билеты проданы» у «Сити сэнтер», к даже на балконе театра, к аплодисментам зрителей и восхищенному гулу в антрактах.

Но ночной эпизод в лифте показал, что эффект присутствия МХАТ незамедлительно токами распространялся по Нью-Йорку шире, чем можно было предполагать. Впрочем, не только по Нью-Йорку. Журнал «Вэриэти» зарегистрировал приток театраль-

ных критиков из многих городов США, из таких далеких, например, как Лос-Анжелос. «Визит в «Сити сэнтер» обязателен»,— огласил свой приговор Уолтер Керр, один из авторитетных театральных судей Америки, просмотрев 9 февраля постановку «Вишневого сада». Этот «приговор» был приведен в исполнение, хотя многие неудачники жалуются сейчас на кратковременность гастрелей, закончившихся вчера последним представлением «Мертвых душ».

Коллектив МХАТ, славно потрудившись в Нью-Йорке, вылетает сегодня в Москву. Импресарио Сол Юрок чувствует себя победителем.

Здесьшний театрал считает себя духовно обогащенным встречей с труппой, которую он увенчал титулом «самая прославленная в мире».

Сказать, что успех МХАТ в Нью-Йорке очень велик,—значит, сказать очень мало. Предвкушая радость встречи с МХАТ, критики, однако, не рассчитывали на «открытие» и утверждали себя в этом мнении после первого спектакля—«Мертвых душ», высоко оцененного с точки зрения мастерства актеров, но скептически—с точки зрения драматургического действия. Тем не менее «открытия» не заставили себя ждать, и главным из них был мха-

товский Чехов в «Вишневом саду» и «Трех сестрах», пользовавшихся наибольшим успехом.

Чехов очень популярен в американском театре. Его считают органически прижившимся на местной почве. Теперь это представление сильно поколеблено, если не опрокинуто. После «симфонических, драматических событий» в «Сити сэнтер» здесьшний зритель убедился, что американские постановки не выдерживают сравнения с мхатовским Чеховым, покоряющим естественной полнотой жизни и русской теплотой. Ничего подобного американцам не приходилось видеть раньше. Что касается метода Станиславского, тоже очень популярного здесь, считающегося краеугольным камнем американской реалистической школы, то местного его толкование телережиссерам не понравилось. Оно столь же похоже на мхатовское, как «сосиски на кхуру» — по выражению критика из журнала «Нью рипаблик».

«Игра ансамблем», актерская слаженность, вдохновенная ювелирная разработка даже второстепенных ролей — в этом почти все критики видят величайшее достоинство МХАТ и это—снова по контрастности—наводит их на печальные аналогии с американским театром с его культом «звезд».

И одновременно с игрой ансамблем подлинным

актером. Эту характерную черту хорошо подметил Норман Надел из газеты «Нью-Йорк уорлд телеграмм»: «Об актерах я скажу лишь, что эта труппа дает нам новые измерения, которыми надо оценивать актерское мастерство. Она лирична, честна и также тепла, как солнечный свет на цветущих вишневых деревьях».

Очень лестные оценки даны критиками почти всем актерам. Но, пожалуй, больше всего комплиментов выпало на долю Алексея Грибова, который с таким блеском и проникновением исполнил совершенно различные роли в трех постановках: Собакевича в «Мертвых душах», Фирса в «Вишневом саду» и доктора Чебутыкина в «Трех сестрах».

«Кремлевские куранты» Н. Погодина встретили, как и ожидалось, с интересом и с предубеждением. Пьеса имела успех, но и критику. К искусству и к рассуждениям о таланте Погодина, к сравнениям его с Чеховым примешивалась политика, равно как и антисоветская обработка, ведущаяся десятилетиями, самодовольное невежество американского обывателя. Но и в этой пьесе для нью-йоркских критиков были свои открытия, и главное из них — образ Ленина. Этот образ «убедительно человечески», по словам рецензента «Нью-Йорк пост» Ричарда Ваттса, добавляющего, что Борис Смирнов создает «образ по-настоящему сердечного, наделенного чувством юмора человека, в который веришь».

С. КОНДРАШОВ.
соб. корр. «Известий».
НЬЮ-ИОРК, 1 марта.